

Н

е прошло и двадцати лет, как Морис Бежар снова приехал в Москву. "Альфа-Банк" и "Постмодерн-театр" представили на сцене Большого театра и в КДС два новых балета

та maestro в исполнении его нынешней труппы "Bejart Ballet Lausanne".

Однако, оправдывая название своей колонки, начну не с самих спектаклей, а с того, что происходит вокруг да около.

Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен

Посторонней на пресс-конференции оказалась пресса. Журналисты, наивно полагавшие, что если их сюда позвали, значит это кому-нибудь нужно, до крайности раздражали бравых охранников (!) с бычьими шеями, и те презрительно, точно назойливых мух, отгоняли их от входа в конференц-зал. Потом был унизительный процесс "фильтрации" – заходи по одному. Потом – еще более унизительная процедура аккредитации. За выделенными от щедрот стоячими входными в поднебесье Большого театра и пропусками без мест в КДС надо было побегать.

Быть может, организаторам гастролей пресса не нужна? Тогда другое дело. В таком случае критик уже не критик, а частное лицо и сам заботится о том, как попасть в театр.

Но если рассылаешь тридцать пять тысяч одних факсов, если созываешь две пресс-конференции и просишь непременно оповестить, когда выйдет материал, будь добр обеспечить критику условия для работы. Для работы – не для развлечения. Но не тут-то было. Каждый выходил из положения, как мог. Представте себе, к примеру, двух известных и уважаемых критикесс, абонировавших, дабы увидеть хоть что-нибудь, некую архитектурную деталь чуть ли не под потолком Большого театра и возлежащих на ней, точно богини на облаке. Жаль, что не все приключения были столь же забавны.

Такого потока хамства в стиле "упал – отжался", давно не припомню. "Строить надо этих журналистов, строить!" – рычал в остервенении один из качков. "Он в три шеренги вас построит, а пикните, так мигом успокоит". Вот уж скоро два века, как смеемся мы над тупым солдафоном. Смеяться смеемся, а с прошлым не расстанемся. Почему бы хоть из разумного эгоизма

не подумать о том, что хамство (как ни поднимает оно тебя в собственных глазах) рано или поздно неизбежно против тебя же и обернется? Деньги деньгами, связи связями, но надо же и совесть иметь.

Потерянное очарование

Этих гастролей ждали с нетерпением. И не мудрено. Хореография Мориса Бежара, костюмы Джанни Версаче, джаз 60-х, "Queen", Моцарт, роспись по шелку, световое оформление по последнему слову электронной техники. Посвящения Хорхе Донну и Фредди Меркьюри.

Какой фейерверк имен и эффектов!А

Экран и сцена - 1998 - апр. (~16) - 96

на деле?

"Мутации". Хореография Мориса Бежара. Музыка – Джеки Глесон, Джон Зорн, Хьюго Ле Бар. Костюмы – Джанни Версаче. Свет – Клеман Кероль.

Это спектакль-агитка. Тема заявлена видео-эпиграфом: ядерный гриб, терпящий бедствие танкер, утка в нефтяной жиже. Им и исчерпывается. Загрязнять окружающую среду нехорошо. Это аксиома. И тем не менее в течение часа сорока минут нам упорно доказывают: загрязнять окружающую среду нехорошо. Система доказательств, которую лишь с большой натяжкой можно назвать образным рядом, примитивна до неловкости. Мрачным комбинезонам и противогазам приходят на смену яркие платья и стильные прически. Угрожающе-напряженные ритмы уступают место вихревым или истомленно-ностальгическим танцевальным. Человечество превратило мир в помойку – на сцене мусорные баки, куда "безж-жалостно" выбрасывают кукол-младенцев да и самих танцовщиков – до кучи. Видимо, для вящей убедительности артисты выкрикивают лозунги вроде такого, например: "Это последний стакан чистой воды, теперь трудно отыскать чистую воду".

Окончательно загадив Землю, люди решают покинуть ее на случайно оказавшейся в кустах ракете. Но одному из них вдруг на глаза попадает живой цветок – символ сами понимаете чего. Опомнившийся юноша по-русски обращается к залу: "Я остаюсь!". Слава богу! А мы-то уж и не чаяли.

На сцене множество цветов. Среди них гуляет маленькая девочка с прелестными локончиками и в оборочках. Юноша поднимает девочку на руки и несет на авансцену. Апофеоз.

"Дом священника не потерял своего очарования, а сад – своей роскоши". Хореография Мориса Бежара. Музыка – "Queen" и Моцарт. Костюмы – Джанни Версаче.

Название заимствовано из романа Гастона Леру "Тайна желтой комнаты". В 20-е эту фразу облюбовали сюрреалисты, в

Шоу должно продолжаться?

40-е – бойцы Сопротивления, а к балету Бежара она вообще никакого отношения не имеет. "Просто она мне нравится", – признается хореограф.

Спектакль посвящен памяти великого танцовщика, звезды знаменитой труппы Бежара "Балет XX века" Хорхе Донна и великого певца Фредди Меркьюри. Этот проект мог бы называться "Бежар – против СПИДа". Все вырученные от представления средства идут в фонд борьбы со страшной болезнью.

В спектакле нет сюжета, а есть лишь сюита неясных фантазий. Но в том-то и беда, что, как ни подхлестывает Бежар свою за долгие десятилетия загнанную фантазию, она пробуксовывает. Впечатление такое, будто человек хочет говорить, привык говорить, но сказать ему больше нечего. Как и в "Мутациях", не спасают действительно впечатляющие световые эффекты и стильные костюмы. Об этом горько думать, странно писать, но великий Бежар больше не может сочинять танцы. И вот он нанизывает вымученные движения одно на другое.

Но все разом преобразается, когда на громадном экране, спустившемся откуда-то с колосников, вдруг появляется Хорхе Донн. Улыбается, танцует. Живет. Хочется смотреть и смотреть. И уже не так досадно.

Танцующий Донн и поющий Меркьюри подставляют плечо Бежару, как Доминго и Паваротти потерявшему голос Каррерасу.

И вот финал. "The Show Must Go On". Шоу должно продолжаться. Бежар на сцене КДС. Заполненный до отказа зал встает, чтобы приветствовать великого хореографа, чьи былые шедевры, слава богу, остались на пленке и в памяти тех, кто их видел. Он – легенда. Легенда, которая есть и пребудет.

Наталья ЗВЕНИГОРОДСКАЯ